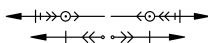

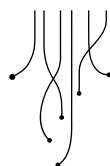

Лариса
Петрови́чева

**МУЗЫКА
МЕРТВЫХ**

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П30

Разработка серийного оформления *О. Закис*

Иллюстрация на переплете *А. Флер*

Петровичева, Лариса Константиновна.
П30 Музыка мертвых / Лариса Петровичева. — Москва : Эксмо, 2022. — 384 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-164759-9

Два года назад в столице девушка убила своих родителей, которые запрещали ей заниматься музыкой. Такие преступления всегда интересовали доктора Вернона, ссыльного врача. И будто по заказу зима приводит в провинциальный Эверфорт серийного убийцу. Доктор начинает расследование, но пока у него есть только вопросы: проститутка, редактор газеты, разносчица пирогов – неужели между ними есть связь? И что соединяет их со столичным преступлением? Возможно, ответы на них знает великий музыкант и композитор Эрик Штольц – который совсем не тот, кем кажется.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Петровичева Л.К., текст, 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022
ISBN 978-5-04-164759-9

Глава 1

АНАТОМ И КОМПОЗИТОР

— Девки-то мои совсем с ума свихнулись.

Бургомистр Говард потянулся к аппетитно запотевшему графинчику перцовой водки и с удовольствием наполнил рюмки. Август Вернон, который откинулся в кресле, отдыхая после сытного второго блюда, одобрительно качнул головой. Перцовка бургомистра была такой, что душу за нее заложишь.

Они приятельствовали много лет — их дружба зародилась почти сразу же, как только Августа сослали в эти угрюмые северные края. Казалось бы, что общего может быть у ссыльного революционера и бургомистра? Если бы Августу сказали, что однажды он, вольнодумец и бунтарь, подружится с чиновником, которому по должности положено быть верным псом короны, то он бы только покрутил пальцем у виска.

А вот ведь, подружились. Обедают вместе, водочку пьют. Вот что делает с людьми провинциальная скука. Сводит и соединяет тех, у кого вроде бы нет ничего общего.

— С чего бы? — любопытствовал Август. Говард устало вздохнул.

— Ну, я же тебе рассказывал. В наши края приезжает Эрик Штольц.

— О да! — воскликнул Август. — Девушки на него падки, я слышал. Надеются, что он поиграет с ними так же, как на своем рояле. Умелые пальцы — это профессиональное.

Говард покосился на него с неудовольствием.

— Я ему, знаешь ли, все пальцы тогда переломаю, если что случится. И засуну, куда солнышко не смотрит, — хмуро пообещал он и тотчас же добавил с искренним уважением: — Виртуоз! Гений, какого не знавал белый свет! И в нашем захолустье, представляешь?

Август представлял. Эверфорт был типичным провинциальным городком: медведь на гербе, медведи иногда заходят в город из лесов, и люди тоже похожи на медведей. Он понимал, почему бургомистр поспешил завести дружбу с каторжником: Август повидал свет и людей, многое знал и мог развеять ту скуку, которая, кажется, тут пластами лежала.

Эрик Штольц был великим музыкантом и композитором. Молодой, чуть старше двадцати, он произвел фурор во всех странах. Гениальная игра на рояле, невероятная по красоте и силе музыка, признание слушателей и искренняя любовь во всех слоях общества, от коронованных особ до простолюдинов — и теперь такой человек едет в Эверфорт. Не просто ради концерта, а жить.

Чудны дела Господни. Или гений просто с жиру бесится?

— И девки мои чокнулись на радостях, — продолжал бургомистр, накладывая на тарелку Августа белые и розовые пласты соленой рыбы. Он не признавал быстрого завершения обеда: есть следовало так, чтоб потом не мочь шевельнуться и дышать через раз. — Гоняют модисток, заказали новые платья, весь дом пропах какой-то дрянью для волос. Не дом стал, а модная лавка, прости Господи! Надеются, что он их увидит, таких красавиц. И не ослепнет от ихней прелести. А как их, спрашивается, не увидеть, мы в первом ряду сидим.

Насчет красоты своих дочерей Говард не обольщался: все три девицы пошли в папашу и были похожи на молодых медведиц. Круглые лица, словно нарисованные по циркулю, крепкий таз, ноги-колонны и гренадерский рост — единственным привлекательным в девушках были густые русые волосы до колен. Самый «соблазн» для столичного виртуоза, к которому, по слухам, принцессы и герцогини становились в очередь и оставались довольны.

— Да, у него много поклонниц, — уклончиво ответил Август. — Я слышал, ему одна даже бросила панталоны на сцену. Охрана потом ее еле оттащила, так и прыгала.

Говард охнул и закрыл лицо ладонями, покачивая головой от бесстыжести современных нравов. Да, столичное обращение было ему в новинку. Как говаривал один из водевильных героев: «Деревня, не поймет-с»!

— Если мои что-то такое отчебучат, поубиваю, — сурово пообещал бургомистр и реши-

тельно опрокинул стопку. — Ты подумай только, спят с его дагерротипами! Купили в книжном, в рамочку — и под подушечку. Все трое. Говорю же, свихнулись. Говорю им: вы на себя-то посмотрите, дуры! Куда вам с вашими физиономиями до столичной особы! До такой особы! Да он принцессами и королевнами не соблазнился, а на вас прямо бросится!

Да, Говард всеми силами развивал в своих детях критическое мышление, правда, Август имел основания полагать, что это должно работать как-то иначе.

— Так что жду концерта, — вздохнул Говард и с каким-то детским мечтательным теплом добавил: — Надо же, такой человек и в нашем медвежьем углу! Прямо не верится, что увижу.

Август понимающе кивнул. Бургомистр был человеком очень простым, практически примитивным, но перед наукой и культурой испытывал чуть ли не религиозное уважение и трепет. Именно его стараниями в Эверфорте возникли две школы, библиотека и колледж богословия, да и книжный магазин в центре города не пустовал — еще одна причина, по которой Август относился к своему другу с искренним теплом.

— Такие, как он, не видят ничего, кроме рояля, — заверил его Август. — Все наше земное копошение им так — тьфу.

Говард недоверчиво посмотрел на него и поинтересовался:

— Что, даже насчет водочки ни-ни? Ни раза, ни полраза? Только музыка?

Август ухмыльнулся. Профессиональная возня с человеческой подноготной в прямом смысле слова сделала его циником и дрянью.

— Ну, ты на святое-то не покушайся, — хмыкнул он. — Водочку люди культуры очень уважают. Вскрывал я как-то одного поэта — так там печень была больше медвежьей. А ведь как писал, как писал! Ему тоже панталоны бросали, когда он выступал.

— Вот и слава богу, — вздохнул Говард с видимым облегчением и спросил: — А тебя, я вижу, музыка не сильно привлекает?

Август неопределенно пожал плечами.

— Два года назад, — сказал он, — в столице одна девушка убила и расчленила своих родителей. Сама — в бега. За то, что они запретили ей музицировать и велели не маяться дурью, а выходить замуж. Вот такая музыка мне интересна. Вернее, что творится в голове у таких музыкантов.

Говард развел руками.

— А может, это не она убила? — предположил он и, пожившись, признался: — Я вот не представляю, как можно мамку с батькой убить да потом на куски крошить. А тут еще и девушка... Может, кто другой убил, а на нее свалили?

Август усмехнулся. Его друг стремился видеть в людях только хорошее — поэтому они и подружились. Мало кто мог разглядеть человека в ссыльном каторжнике, а вот Говард разглядел и не пожалел об этом.

— Свидетели говорят, они каждый день скандалили. И однажды она сказала, что поубивала бы их всех за музыку.

Говард отмахнулся.

— Да ну. Мало ли что в скандале-то скажешь? Моя-то вон, бывает, кричит, что всю шерсть мне повырывает, ну и что? Тридцать лет живем, как голуби. А двоих взрослых убить — тут все-таки мужская сила нужна, я полагаю. Лепят девке убийство, да может, ее самой в живых уже нет.

Август усмехнулся.

— В общем, вот она, сфера моих интересов. Это захватывает намного сильнее музыки.

Говард посмотрел на него с каким-то отцовским пониманием. Дескать, ну такой вот сын уродился, ничего не поделаешь уже. Будем жить с тем, что есть.

— Но на концерт его ты придешь? — спросил он. — Завтра, помнишь?

— Приду, — ответил Август. — Скуку надо как-то убивать, а это отличное оружие.

Он не стал рассказывать бургомистру о том, что девушка, убившая родителей за музыку, была родной сестрой великого Эрика Штольца. Скандал вышел страшный, его замяли только при участии высоких особ и больших денег, так что не стоило раздувать все это заново.

Штолец приехал в Эверфорт вечером следующего дня: поезд сделал вынужденную остановку в пути, и звезда отправилась в музыкальный зал при библиотеке прямо с вокзала. Здесь столпилась чуть ли не весь город. Даже те, кому сроду не было дела до музыки, пришли посмотреть на человека, которого обожал весь мир. Все подходы к библиотеке были запружены народом, и Август

подумал, что никогда не видел столько красивых девушек сразу. Девицы штурмовали двери, и от их восторженных улыбок, духов и цветов, столь редких на севере среди зимы, начинала кружиться голова. Кто-то экзальтированно готовился упасть в обморок, а семеро полицейских — все отделение Эверфорта, понятия не имели, как им следить за порядком. Во всяком случае, вид у них был весьма оторопелый.

В фойе развернулась бойкая торговля дагерротипами и открытками, и девицы радостно открывали кошельки и вынимали монеты, чтоб потом класть под подушку портрет своего кумира с автографом. Август поднялся по лестнице к музыкальному залу, мельком посмотрел на себя в высокое мутное зеркало в тяжелой бронзовой раме и вспомнил, что в последний раз был на таком концерте еще в столице, до восстания и своей ссылки. Господи, сколько же лет назад это было? Тогда он был преуспевающим доктором, тогда он был молод, энергичен и верил в то, что может сделать мир счастливым и свободным. Стоит только протянуть руку и шагнуть вперед — и все получится. У тебя будет все, о чем ты мечтаешь.

Теперь ему тридцать восемь, он живет в глухомани, ни о чем не мечтает, и спина, когда-то исхлестанная шпицрутенами, болит в непогоду. Девушка, в которую Август был влюблен, оставила его сразу же после поражения мятежников, не желая иметь ничего общего с врагами государства — с тех пор он не любил. Походов в «Зеленый огонек» два раза в неделю было вполне до-

статочно для плоти, а свою душу он давно считал мертвой. Август усмехнулся своему отражению и прошел в зал.

У него было место во втором ряду. Устроившись в кресле, Август посмотрел по сторонам и пожалел о фляге с ромом, оставленной во внутреннем кармане пальто. Семейство бургомистра с шумом размещалось в первом ряду: Говард вчитывался в программу концерта на плотном белоснежном листе, почесывая проплешины и качая головой; госпожа Хелен, мать семейства, никак не могла устроиться в кресле так, чтоб не мять платье; три девицы-грации восторженно щебетали, едва не падая в обморок от предвкушения, а их братья выглядели важными и хмурыми, осознавая всю ценность события.

От запаха цветов и духов у Августа начала кружиться голова. Он откинулся на спинку своего кресла и устало прикрыл глаза. Возможно, стоило остаться дома или пойти в «Зеленый огонек». Хотя... Он обернулся на галерку: все работницы борделя были здесь, толпились разноцветной стайкой райских птичек — разодетые по последней моде, причесанные и с фальшивыми бриллиантами на шеях и пальцах. Хозяйка «Огонька» либо радела за культуру, либо показала товар лицом для столичной штучки.

«На что ему твои шлюхи, — мрачно подумал Август, глядя, как госпожа Аверн обмахивается веером, бросая оценивающие взгляды на своих пташек и кокетливые — на господ. — Он едва не женился на принцессе Кэтрин».

Откуда-то послышался тонкий звук — словно звякнул и умолк колокольчик. В зале тотчас же воцарилась торжественная тишина — у Августа мелькнула неуместная мысль, что зал сделался похожим на склеп. Даже бургомистровы дочери-медведицы прекратили возню.

Штольц вышел к роялю быстрым энергичным шагом, почти бегом. Чуть выше среднего роста, очень стройный, с кудрявыми каштановыми волосами до плеч, он показался Августу кем-то вроде сказочного эльфа. Зал дружно ахнул, а затем разразился такими аплодисментами, что у Августа заложило уши. Он недовольно сморщился и снова вспомнил о своей фляге — в такие-то моменты она и нужна.

Поклонившись, Штольц сел на рояль и, опустив пальцы на клавиши, несколько мгновений сидел просто так, словно пытался понять, куда это его занесло и что он должен делать. Августу показалось, что зрители даже дышать перестали, боясь спугнуть то чудо, которое сейчас начало зарождаться у них на глазах.

Первые аккорды были осторожными — Штольц будто бы прокладывал путь в ту страну, которую видел он один, и боялся сделать неверный шаг. Но постепенно мелодия, такая робкая, воздушная и трепетная сначала, наполнялась силой и властью, обретая насыщенное и густое звучание. Если сперва это была мартовская капель, то вскоре она стала грохотом водопада — она обняла и повела туда, где каждый человек был счастливым и хорошим, в солнечный день, в юность, к любви и свету.

Не было ни зала, ни людей, ни рояля, не было даже Штольца, который играл с закрытыми глазами, погрузившись в некое подобие транса, — была только музыка и слушатель, и музыка заняла собой весь мир. Не осталось ни печали, ни горя — ничего, кроме музыки и слабого, растерянного человека, которого она поднимала до недостижимой, почти божественной высоты.

Август неожиданно понял, что плачет. Он запрокинул голову, закрыл глаза ладонью — на мгновение ему сделалось невыносимо стыдно от того, что кто-то увидит его слезы. Он вдруг сделался одновременно несчастным и счастливым, потому что музыка открыла все раны его души, вычистила скопившийся яд и исцелила их.

Ноктюрн закончился, но рояль еще звучал последними отголосками нот, и слушатели в зале не могли пошевелиться. Потом кто-то на галерке вскочил и заорал во все горло слезливым срывающимся голосом:

— Bravo! Bravo! — и зал накрыло волной аплодисментов. Август поднялся вместе с остальными — все были взволнованы, никто не мог усидеть на месте. Штолец встал из-за рояля, шагнул к зрителям, поклонился, махнув растрепанной копной волос, и улыбнулся какой-то растерянной, почти детской улыбкой. Какая-то девица уже бросилась к нему, заливаясь слезами, — полицейские, которых бургомистр благоразумно расставил по залу как раз для такого случая, не успели ее придержать, и девица на радостях едва не снесла Штольца своим букетом.

Август опустился в кресло, не чувствуя ног. Неудивительно, что Штольца обожал весь мир, государи жаловали титулы, а дочери семейств бросали дома и ездили за своим кумиром на гастроли. Эта музыка брала в плен, овладевала душой и телом, эта музыка звучала из самых потаенных глубин, делая человека настолько открытым, что становилось страшно.

Это было сильнее магии и любви. Август провел ладонями по лицу, пытаясь опомниться. Надо было взять себя в руки, он, в конце концов, не курсистка, которая бросает звезде панталончики. Второй ноктюрн Август слушал уже спокойнее — легкая и грустная мелодия была посвящена принцессе Кэтрин, об этом соседка Августа шепнула своей приятельнице, осторожно промакивая глаза кружевным платочком.

«Прекрасный способ остаться в веках, — подумал Август. — Главное, чтоб тебя полюбил гений. Потому что создавать такое без любви — нет, невозможно».

Без любви можно только уничтожить. Те, кто когда-то бросил Августа и его товарищей в горнило мятежа, прекрасно это понимали. Жаль, что сам Август осознал это гораздо позже, когда лежал в госпитале, изувеченный проходом сквозь строй, тихонько выл от боли, пожиравшей его тело, и не понимал, что еще держит его в этом мире.

Возможно, это была музыка, которой только предстояло зазвучать. Возможно, Август выжил для того, чтоб однажды услышать игру Эрика Штольца.